

Вырезка из газеты

Р а б и с

г. Москва

от 3 ИЮЛ 1928 г.

МЕЙСТЕРЗИНГЕРЫ СССР

КОНКУРС ГАБТ'а.

Легендарное состязание певцов в Вартбурге, изображенное Вагнером в «Тангейзере», традиционные, в Троицкие день, соревнования певцов в Уэльсе — все это бледнеет перед многолюдным конкурсом мастеров пения, желающих попасть в коллектив артистов-солистов, вступающего на новые «гудящие рельсы» Большого театра.

Запись на конкурс превзошла всякие ожидания — сотни человек со всех концов Союза решили показать свое мастерство и попытаться счастье...

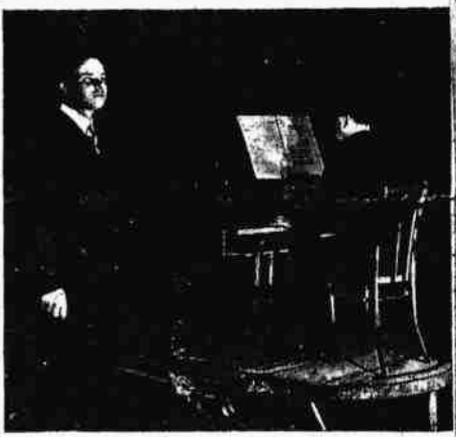
В составе конкурсной комиссии: Бурдуков, Хорал, Ипполитов-Иванов, Сук, Петровский, Шарашидзе, Катальская, Райский, Браудо, представители от ячеек ВКП Актеатров, ВАКСМ, ЦК Рабиса, Мосгубрабиса.

В коридорах Большого театра толпа взволнованных, раскрасневшихся людей, пытающихся проникнуть через «заповедную» дверь партера в зал, к арене, на которой их товарищи по цеху состязаются в силе звука, мощности дыхания, крепости связок и мастерстве.

Судьи сидят за покрытым зеленым сукном столом; они строги, сосредоточены, требуют тишины и воспевают аплодисменты. Но взволнованные слушатели все-же аплодируют мастерам пения и шиканьем провожают безголосых диллетантов, и тем творят свой суд — справедливым, искренним, без отметок в блок-ноте.

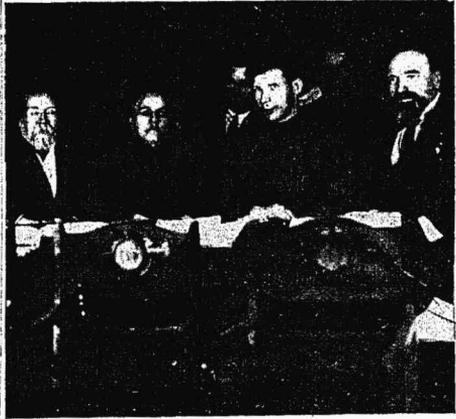
Зрительный зал, несмотря на строгий контроль, основательно заполнен. Налицо почти вся труппа Большого театра, представители Музтехикумов, печати. Один за другим выходят на сцену «пробующиеся». На ряду с моделями от Пажена и виватками от Деллоса мелькают скромные блузки и толстовки Московшвей. Вот бас в пальто и высокие сапогах. Поет он арию Ковчака. Ни голоса, ни передачи. Вот служитель культа, диакон с Украины, обладатель мощного баритона. Вот сопрано, тенор, снова бас. И еще, и еще...

Несмотря на присутую профактерству самолюбленности и уверенность в персональном пре-

Момент пробы. У рояля концертмейстер ГАБТ Крамарев, поет тенор Жадак.

восходстве над «другими-прочими», басы-супертеноры тревожно настораживаются, когда со сцены объявляют «бас», тенора, когда «тенор» и т. д. После двух-трех первых нот они, в большинстве случаев успокоенные, удобнее усаживаются в своих креслах и на их лицах нетрудно прочесть: ну, этому до меня далеко. Но вот вышла певица и спела арии из «Царской невесты» и «Руслана и Людмила». Самовлюбленные мастера, подхваченные профессиональным артистическим чувством, неистово ей аплодируют. Судейский стол взволнован. Кто-то посмел вмешаться в их права, посягнуть на их приоритет. Аплодисменты ведь воспеваются... Но приговор уже вынесен. Официальные судьи, что-то спешно занесут в свои блок-ноты... Кто она, эта обладательница исключительного сопрано? Хористка из молодого хора Московского Большого театра...

Члены конкурсной комиссии (слева направо): Ипполитов-Иванов, Бурдуков, Хорал (ГАБТ), Райский (консерватория).

Какие бы результаты не дал настоящий конкурс, моральное его значение огромно. Он дал твердую уверенность подрастающему поколению певцов в возможности без черных ходов и протекций, без унижений и просьб дать о себе знать музыкальному миру и, при наличии данных, пройти на крупнейшую оперную сцену СССР. Таковые конкурсы необходимо ввести за правило, превратить в периодические турниры мастерства в ежегодные состязания мастерзингеров СССР.

ВИКТОР ЭРМАНС.